

П.А. ИСКЕНДЕРОВ

(Институт славяноведения РАН, Москва)

БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 г. и ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ БАЛКАН*

Abstract:

Iskenderov P.A. *Congress of Berlin 1878 and its political consequences for the Balkans*

The article is devoted to the history of the Congress of Berlin 1878 and its consequences for the Balkans. The research is based on various diplomatic as well as archive documents. The author analyzes approaches the Great Powers towards topical Balkan problems and new models of Balkan peacemaking. The technical aspects of the Congress of Berlin organization are also under examination.

Ключевые слова: Берлинский конгресс, Россия, Балканские войны, Первая мировая война, Австро-Венгрия, Германия, Англия, Франция, Сербия, Болгария, Албания, Румыния, Греция, Кипр, Османская империя, геополитика, миротворчество, конфликтология, межнациональные отношения.

18 декабря 1906 г. в итальянской Палате депутатов с программной речью выступил тогдашний министр иностранных дел этой страны Т. Титтони. Непосредственным поводом к этому послужила яркая речь депутата от крайне левого крыла парламента Барцилаи, поставившего под сомнение необходимость членства Италии в Тройственном союзе. Министр решительно выступил в защиту внешнеполитического курса кабинета. Он солидаризировался с оценками, звучавшими ранее из уст его германского и австрийского коллег Б. фон Бюлова и А. Эренталя о необходимости тесных союзных отношений между Италией, Германией и Австро-Венгрией. Титтони заверил депутатов, что внешняя политика Рима останется неизменной и будет заключаться в искреннем поддержании как Тройственного союза, так и дружбы с Францией и Англией. По его словам, лучшим примером подобного дружественного соглашения выступает представленный на рассмотрение парламента англо-итальянский трактат об Абиссинии. С Австро-Венгрией у Италии, по словам Титтони, имелся не менее дружественный и взаимовыгодный договор – по вопросу сохранения статус-кво в Албании.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Историческая типология межнациональных конфликтов на примере Балкан»), проект № 14-01-00264.

Что же касается в целом балканских дел, то министр иностранных дел Италии подчеркнул, что его страна сочувствует разумному применению принципа национальностей на Балканском полуострове. В этом вопросе, по его словам, Италия находится в единомыслии с другими державами, подписавшими Берлинский трактат 1878 г., которые, вверив Австро-Венгрии и России специальные полномочия по выполнению Мюрцштегской программы проведения реформ в Македонии, тем не менее, не отказались от права подавать свой голос в балканских делах¹.

Какую же роль в балканских делах сыграл проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 г. Берлинский конгресс? На этот счет в историографии существуют подчас диаметрально противоположные оценки. Российский историк В.Н. Виноградов считает, что именно в результате работы Берлинского конгресса и подписания 13 июля итогового трактата на Балканах «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе»².

Британская исследовательница Миранда Виккерс подчеркивает и, очевидно, даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По ее мнению, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое внимание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой»³.

Колин Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему как политическая история Израиля 1990-х годов прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» – задается он спорным, но базирующимся на исторических аналогиях вопросом⁴.

Хватает в историографии и противоположных оценок. Так, французский историк А. Мале полагает, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности»⁵. Однако подобные констатации, насколько могут быть по-человечески понятными, настолько же и бессмысленны, когда речь идет о вопросах геополитики.

Говоря о Берлинском конгрессе как, по сути, о первом опыте балканского миротворчества, необходимо отметить масштабную подготовительную работу, которую провели практически все его участники из состава «концерта великих держав» и которой подчас так не хватает сегодняшним форумам. Сам Берлинский трактат стал верхушкой айсберга, в основе которого находились скрытые от постороннего взгляда торги, согласования и взаимные уступки. По инициативе председательствовавшего на Конгрессе германского канцлера О. Бисмарка, участники форума всячески избегали дискуссий на открытых заседаниях. Как только по тому или иному вопросу намечались противоречия, он снимался с обсуждения и переносился на уровень частных переговоров заинтересованных сторон. И лишь после достижения согласия он вновь ставился на открытое обсуждение «для официальной формулировки решения»⁶.

Более того, как справедливо подчеркивает американский исследователь в области международных отношений Сидней Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России»⁷.

Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной – принимая во внимание характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях.

Впрочем, «сан-стефанская» Болгария, способная стать региональным тяжеловесом, не отвечала интересам не только Англии и Австро-Венгрии, но и балканских столиц. И в Афинах, и в Бухаресте, и в Белграде также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского прелиминарного договора. А, следовательно, настаивая на полной реализации Сан-Стефанского соглашения, Россия рисковала остаться с одним (пусть и мощным) союзником и одновременно обрести на Балканах враждебный блок в лице Сербии, Румынии и Греции. Тот же самый блок, который спустя 35 лет поставит ту же Болгарию на грань военной катастрофы во время Второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс явил собой международный форум, всего лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему. Но все придавали одинаково большое значение предстоящим решениям, выходящим далеко за рамки собственно Балканского полуострова. Преддверие

Берлинского конгресса – это не только дипломатические контакты, меморандумы и требования. Это еще и срочные меры военно-политического характера, как, например, вотивирование австрийской и венгерской парламентскими делегациями кредита на пополнение запасов вооружений. Это – послание английской королевы к очередной сессии национального парламента, из которого следовал вывод о грядущей мобилизации резервистов. Это – приведение в боевую готовность румынской армии. Это – активные закупки Россией в США судов с прицелом на возможное начало общеевропейской военной кампании. Н.П.Игнатьев еще летом 1877 г. обсуждал данный вопрос напрямую с британским военным агентом Уэлсли. Российский дипломат предупредил, что война с Россией станет губительной для Англии, поскольку соединенный русско-американский флот парализует английскую торговлю и отрезет метрополию от ее колоний, породив тем самым социально-экономический и политический кризис в самой Англии, оставшейся без сырья. Разумеется, подобный вывод был определенным преувеличением, однако в качестве одного из «факторов сдерживания», безусловно, имел право на существование⁸.

Это, наконец, и многие другие элементы, содержавшие в себе одновременно военно-прикладные и сугубо демонстративные аспекты⁹.

Что же касается «чистой дипломатии», то непосредственной предтечей Берлинского трактата можно считать особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно данный документ формально закрепил пересмотр самого спорного положения Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда территориальных завоеваний на Кавказском фронте Россия заручилась поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефано. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Англией права занять стратегически важный остров Кипр, что предусматривалось тайным договором Лондона с Османской империей от 4 июня 1878 г. Данный документ содержал положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признавал передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австро-Венгрией соглашение о совместной политической линии на предстоящем Берлинском конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в столице Германии. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта.

Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Пожалуй, единственный момент, когда ход заседаний Берлинского конгресса мог серьезно отклониться от заранее распisanного сценария, был связан с демаршем английского делегата Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд), пригрозившего 20 июня покинуть форум. Поводом послужили, как водится, дотошные британские журналисты, обнаружившие содержание секретного русско-английского меморандума от 30 мая, но при этом не знавшие о существовании англо-турецкой Кипрской конвенции от 4 июня. В результате британское общественное мнение обвинило Дизраэли в излишней уступчивости по отношению к России – что и спровоцировало всплеск его активности в Берлине, в частности, по вопросам о статусе Восточной Румелии, судьбах Софийского санджака и сроках пребывания в Болгарии русских войск. В результате компромисс был достигнут на основе передачи Софийского санджака Болгарии при одновременном предоставлении Порте права ввести войска в Восточную Румелию. Что же касается продолжительности русского военного присутствия в Болгарии, то она была установлена в 9 месяцев – в отличие от полугодичного срока, предусмотренного англо-австрийским соглашением от 6 июня 1878 г.¹⁰

Не допустить появления на Балканах региональной сверхдержавы – именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса. И данную задачу Конгресс выполнил. Более того, даже после Второй Балканской войны 1913 г. те же великие державы попытались умерить чрезмерные аппетиты победивших Болгарию балканских союзников, отдавая себе отчет в том, что миру и стабильности на Балканах противопоказаны как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны и народы. Последующая роль Болгарии в Первой мировой войне лишь подтвердила этот тезис.

Далее, именно Берлинский договор, предусмотревший создание на Балканах целого ряда национальных независимых государств, стал фактически первым документом во всемирной дипломатической истории, прописавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. Говоря словами Даниэля Филпотта, защита меньшинств наконец стала нормальным условием, возложенным на новые государства¹¹. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, все граждане вне зависимости от вероисповедания получали гражданские и политические права. Таким образом, рели-

гиозное, гражданское и политическое равноправие впервые документально провозглашалось всеобъемлющими ценностями для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. А статья 44 Берлинского трактата, прямо обязавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на ее территории евреям, непосредственно касалась пресловутого «еврейского вопроса», считавшегося особо актуальным для Балкан.

Следует также сказать, что и слабость, и противоречивость решений Берлинского конгресса, в свою очередь, явились следствием как раз попыток нарисовать на Балканах сбалансированную картину – в том числе в плане определения границ. Балканы – один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти этнические границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель; когда на три части оказывался разделенным сербский этнос; когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев.

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» – транспортные пути. Главная водная артерия региона – Дунай – объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через Черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Теперь балканским странам предстояло употребить усилия на хозяйственное освоение приобретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов

и новых межнациональных – то есть заняться тем, что с присущим им красноречием сербы назвали «консолидацией военных завоеваний». Эти задачи балканские народы и государства решили лишь отчасти.

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий Восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой, сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые узлы – македонский, косовский, добруджанский, боснийский и целый ряд других.

Ну и, наконец, последняя красноречивая черта Берлинского конгресса. Наибольшие выгоды – в том числе территориальные – извлекли из балканского кризиса две державы, не принимавшие непосредственного участия в собственно военных действиях – Англия и особенно Австро-Венгрия. Монархия Габсбургов смогла утвердиться в двух стратегически важных районах Балкан – Боснии и Герцеговине и Новопазарском санджаке, где получила документальное разрешение держать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты военной и гражданской инфраструктуры. Но это уже относится к сфере высшего дипломатического искусства, выходящего за рамки собственно балканского урегулирования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 511. Л. 30.

² Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 160.

³ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London; New York, 1995. P. 33.

⁴ Shindler C. Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbolic Relationship // Israel Studies. 2000. Vol. 5. P. 158.

⁵ Лависс Э., Рамбо А.Н. История XIX века: в 8 т. / Под ред. Е.В. Тарле. Т. 7. М., 1939. С. 448.

⁶ История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919) / Под ред. В.П.Потемкина; сост. В.М. Хвостов, И.И. Минц. М.; Л., 1945. С. 48.

⁷ Фей С. Происхождение мировой войны. Т. 1. С. 55. М., 1934.

⁸ Российская дипломатия в портретах / Редколл. А.В. Игнатьев и др. М., 1992. С. 255–256.

⁹ Лависс Э., Рамбо А.Н. История. С. 444.

¹⁰ История дипломатии. Т. 2. С. 48–49.

¹¹ См.: Philpott D. Sovereignty: An Introduction and Brief History // Journal of International Affairs. 1995. Vol. 48. N 2. P. 353–369.